

На странице, следующей за записью Я ненавижу Мюэrsa, кожаный дневник был пуст. Больше никакой полезной информации в нем не нашлось, поэтому Жуань Бай вернул блокнот на место и принялся осматривать другие мелочи.

Удивительно, но во всей гробнице не удалось найти даже простейшей фотографии.

Жуань Бай постоял в нерешительности, раздумывая, а затем решил углубиться дальше. Он только что случайно заметил, что в стене просторной погребальной камеры есть еще одна дверь. Она была не выше человеческого роста, и стоило протянуть руку, как она легко поддалась. Внутри было так же тихо, как и в склепе Алисы, а в луче фонарика в воздухе затанцевали пылинки.

В центре камеры стоял хрустальный гроб. Пустой.

Стоило Жуань Баю сделать шаг, как в ушах зазвучала мелодичная музыка. Мрачная гробница перед глазами начала стремительно сжиматься и в мгновение ока сменилась иной картиной.

В роскошном дворце вереницей шли слуги с подносами. За длинным обеденным столом сидели люди — от седовласых стариков до пяти-шестилетних девочек. Женщина в длинном платье с улыбкой кормила двух девочек рядом. Заметив, что одна из них, прячась от еды, стремглав убежала и спряталась за спину мужчины, она посмотрела на нее с нежностью и легким отчаянием.

Она тихо проговорила:

— Джулиан, ты должна быть как сестра, кушать вовремя и побольше, чтобы вырасти. Ты выглядишь слишком худенькой.

Маленькая девочка по имени Джулиан лишь покачала головой и, надув губы, прошептала:

— Сестра защищает меня, поэтому она и ест больше.

— Ну что ж, это я обещала Джулиан.

Атмосфера между матерью и дочерьми была прекрасной, они словно не замечали взглядов остальных присутствующих.

Картина сменилась: обе девочки повзрослели.

Это был их восемнадцатый день рождения. По идее, праздник в честь совершеннолетия принцесс дома герцога Мюэrsa почти не должен был отличаться от королевского. Однако сегодня в Замке Близнецов царила странная тишина. Еще до полуночи во всем замке погас свет, и он стал похож на город-призрак.

Старшая из сестер обходила комнату за комнатой, но не нашла ни родителей, ни младшей сестры.

Наконец, она добралась до самого конца пятого этажа. Там находилась кладовая Замка Близнецов, куда сестры обычно не заходили. Но сегодня был особый случай, и, обыскав весь дом, девушка решила открыть эту дверь. В кладовой было холодно и темно. Девушка тихо позвала:

— Есть кто-нибудь?

Ответа не последовало, но стоило ей случайно задеть книжную полку, как тяжелые тома с грохотом посыпались на пол.

Девушка вздрогнула и снова позвала.

В этот момент в окно просочился лунный свет, слабо осветив небольшой участок пространства. Из угла донесся шорох, и Джулиан выглянула наружу, явив сестре улыбающееся лицо, которое было почти неотличимо от ее собственного.

— Кларк, я читаю.

— Читаешь?

— Да.

— Но у тебя даже свет не включен, — возразила Кларк.

Джулиан опустила глаза, ее голос стал совсем тихим:

— Ничего, я уже выучила все наизусть.

Закончив, она спросила:

— Ты не могла бы закрыть за собой дверь в кладовую?

Кларк смутно почувствовала, что сестра сегодня ведет себя странно, но многолетняя привычка баловать ее заставила подчиниться. Она развернулась, чтобы закрыть дверь, и в этот момент Джулиан, прятаясь в тени, встала.

Она сделала шаг вперед, и лунный свет осветил большую часть ее фигуры.

Раз шаг, два шаг.

Скрежет.

Странный, резкий звук заставил Кларк нахмуриться, но прежде чем она успела спросить,

причина стала ясна. Джулиан тащила за собой огромный топор. Лезвие было покрыто толстым слоем крови и ошметков плоти, которые падали на пол при каждом движении, обнажая острое, серебристое железо.

Девушка медленно одарила сестру обычной, мягкой улыбкой:

— Кларк, мне очень жаль.

Едва слова сорвались с губ, топор со свистом прочертил кровавую линию по телу Кларк и с глухим стуком упал на пол.

Густая кровь вновь обволокла острое лезвие.

Поскольку Джулиан была слабой девушкой, удар не смог полностью отсечь голень Кларк — кожа осталась висеть на кости, а пол залило кровью.

Джулиан прикрыла рот рукой, что-то прошептав. Жуань Бай расслышал лишь одну фразу:

— Прости, Кларк, это вы меня вынудили. Я просто хочу жить.

Картина снова закружилась. Жуань Бай вздрогнул, и зрение сфокусировалось: он снова был в гробнице. Хрустальный гроб по-прежнему безмолвно стоял в центре.

Жуань Бай постоял в ожидании, но, только собравшись подойти к гробу, услышал скрежет. Звук доносился из склепа Алисы.

Кто-то шел.

Жуань Бай быстро огляделся, но, к сожалению, кроме гроба, спрятаться было негде. Он отступил в угол и стал свидетелем того, как открылась дверь между двумя помещениями, и в комнату, волоча за собой ногу, вошла девушка.

Она двигалась крайне медленно, но взгляд ее был устремлен прямо перед собой.

Затем она открыла хрустальный гроб и, с трудом перетаскивая через край свои сломанные ноги, легла внутрь.

Жуань Бай: ...

Это она его не видит или делает вид, что не замечает?

Жуань Бай нахмурился, не решаясь пошевелиться. Он подождал немного, и, увидев, что

человек в гробу закрыл глаза и, кажется, крепко уснул, бесшумно выскользнул наружу.

В тот момент, когда дверь гробницы закрылась, из хрустального гроба донеслось тихое, нежное напевание Кларк.

*

Кровавый туман вокруг надгробий на лужайке начал рассеиваться. Жуань Бай постоял у могилы Алисы, ожидая, и вдруг услышал мяуканье. Черный котенок прибежал неизвестно откуда и теперь крутился у его ног, принюхиваясь. В его изумрудных глазах сквозило недовольство.

Жуань Бай не заметил этого, наклонился, взял котенка на руки и легонько потрепал колокольчик на его шее.

Через пять минут туман окончательно развеялся, и путь обратно стал свободен. Он покинул сад и направился к замку. Когда он открыл дверь, Ван Ван и остальные ужинали. Ван Ван был в белой рубашке, на плече проступали пятна крови. Жуань Бай замер, тут же подошел к нему, прижал руку к другому плечу и, склонившись, спросил:

— У тебя плечо кровоточит.

Ван Ван, державший во рту кусочек баранины, замер, отложил нож и вилку и машинально провел рукой по плечу. На ладони осталась липкая кровь. Выражение его лица стало крайне озадаченным:

— Странно, боли ведь нет, я думал, рана уже зажила.

— Сейчас я перевяжу тебе плечо.

— Хорошо.

Беспокоясь о ране, Ван Ван стал есть гораздо быстрее. Покончив с едой, он отодвинул стул. Когда они вдвоем направились в спальню на втором этаже, их окликнул Даоба.

Даоба сидел рядом с Дун Хаем. Первый нахмурился и спросил:

— Где ты был?

Как только он это произнес, Дун Хай опустил глаза, делая вид, что ничего не слышит. Жуань Бай обвел их обоих взглядом и мягко улыбнулся Даобе:

— Я был в саду. Если есть вопросы, можете сами как-нибудь туда сходить.

Даоба покраснел. Он поспешно закивал, показывая, что понял.

Только что Дун Хай нашептал ему, что Жуань Бай тайком пробрался назад, даже не взяв с собой Ван Вана, с которым был в хороших отношениях, — мол, наверняка замышляет что-то недоброе. После кучи подобных домыслов Даоба и правда начал сомневаться в Жуань Бае.

Он сделал глоток молока, чтобы скрыть неловкость.

Жуань Бай с улыбкой отвел взгляд, но внезапно замер.

На пол упала капля крови.

Проследив за ней вверх, он увидел Шэнь Цюна. Шэнь Цюн всегда носил темную одежду, поэтому на первый взгляд ничего не было заметно, но капли падали все чаще, и вскоре на полу рядом со стулом образовалась лужица.

Жуань Бай поджал губы и, не говоря ни слова, подошел к Шэнь Цюну, положив руку ему на плечо.

Знакомая липкая субстанция тут же испачкала его ладонь. Он протянул руку к Шэнь Цюну и спросил:

— У тебя кровоточит плечо, ты разве не чувствуешь?

Шэнь Цюн: ...

Юноша потрогал плечо рукой и увидел на ладони те же следы, что и у Жуань Бая. Он поднял глаза на Жуань Бая, тот отвел взгляд и снова спросил:

— Помочь тебе обработать рану?

— Надо, — Сестрица Хун, чьи глаза виднелись из-под растрепанных волос, схватила Шэнь Цюна за руку. В ее взгляде сквозила редкостная серьезность. — Надо идти.

Шэнь Цюн послушно встал.

Глядя на удаляющуюся четверку, Дун Хай поджал губы и машинально коснулся своего плеча. Потрогав, он замер. Он посмотрел на свои пальцы: крови было немного, лишь слабые следы.

Но это все равно означало, что он тоже ранен.

Вспомнив события той ночи, Дун Хай смертельно побледнел.

Как же так?

...

Рана на плече Ван Вана выглядела пугающе. Вчера она была лишь глубокой царапиной, а сегодня края разошлись, словно кусок плоти был вырван.

И при этом Ван Ван не чувствовал никакой боли.

В комнате Ван Ван, которому уже обработали рану, без умолку болтал, расхаживая из угла в угол. Чем больше он думал, тем сильнее становились страх и паника. В смятении он подбежал к Жуань Баю:

— Жуань Бай, скажи, что происходит? Мало того, что на плече вдруг появилась рана, так еще и не болит ни капли!

Отсутствие боли — это хорошо, но не тогда, когда ты словно мертвец! Самое главное, что рана на плече Шэнь Цюна была точь-в-точь такой же.

Ван Ван сглотнул и, дернув Жуань Бая за рукав, прошептал:

— Жуань Бай, как думаешь, это призраки этого замка...

— Возможно, — ответил Жуань Бай и посмотрел на Сестрицу Хун. — У вас плечо не болит? Можно я проверю?

Сестрица Хун кивнула.

Жуань Бай коснулся ее плеча кончиками пальцев: одежда была сухой, под ней все было спокойно. Похоже, ее не коснулись те странности, что мучили Ван Вана и Шэнь Цюна.

Он убрал руку и надолго задумался, а затем предложил:

— Может, сравним наш распорядок дня за эти два дня?

Никто не отказался. Возможно, найдя общее у Шэнь Цюна и Ван Вана, они поймут причину.

Через десять минут все четверо переглянулись. Сестрица Хун и Шэнь Цюн были почти неразлучны, и после сравнения не удалось найти ни особых сходств, ни различий.

Воцарилась тишина.

В этот момент в окно постучали. Жуань Бай открыл его: на подоконнике сидел черный котенок, сжимая в передних лапах рыбку, и довольно махал хвостом. Жуань Бай погладил его по головке, его взгляд упал на рыбешку, и он вдруг замер.

Он обернулся:

— Сестрица Хун, вы, как и я, придерживаетесь вегетарианства?

Сестрица Хун посмотрела на него и медленно кивнула.

Ван Ван был неглуп: услышав это, он сразу вспомнил, как уплетал за обе щеки мясо за обеденным столом, в то время как от его плеча отвалился кусок плоти...

Лицо Ван Вана стало зеленым.

<http://bllate.org/book/19181/1883093>